

Вспомнив, что вчера сказал, что сегодня отнесёт форму в обжиговую печь, Сун Цинъи нахмурился, отдал пару указаний Лю Гуану и направился туда самостоятельно — сегодня он собирался сам обжечь небольшое изделие. Хотя старина Чжэн сопровождал его на всех этапах, тот также заявил, что если Сун Цинъи хочет сам обжигать, то и подготовку должен выполнять самостоятельно, чтобы понять весь процесс создания люли от обжига руды до готового изделия. Поэтому он и прибыл в обжиговый цех пораньше.

Обжиговый цех — это не название конкретного места, а скорее общее название для всех печей, где обжигают люли. Это место занимает наибольшую площадь на мануфактуре люли семьи Сун из-за трёх драконьих печей. Одна такая печь занимает более десяти чжанов, и это ещё не самая крупная. Самая большая из трёх печей на мануфактуре Сун занимает двадцать три чжана, не говоря уже о других печах — плоских, тыквенных, булочных — и о расстоянии между ними, необходимом для безопасности. Только обжиговый цех занимает большую часть южного склона холма.

Так как Сун Цинъи собирался обжечь небольшое изделие в первый раз и решил идти от простого к сложному, старина Чжэн посоветовал ему начать с одноцветного изделия. Поэтому на этот раз он использовал несколько небольших печей, которые обычно простаивали. Накануне Сун Цинъи уже осматривал печи вместе с Чжэном, поэтому знал их расположение, но, опасаясь, что его супруг не найдёт его, оставил Лю Гуана на перекрёстке.

Раз уж у него была форма для чаши, предложенная Ци Жуньюнем, Сун Цинъи задумал создать прозрачную фиолетовую чашу из люли. Поэтому, встретив старину Чжэна у печи, он отправился с ним выбирать руду.

— Когда я учился создавать люли, после трёх лет выбора руды и трёх лет наблюдения за огнём, мой мастер сказал, что обжиг люли и глазурированной керамики — это одно и то же: высокая температура для обжига руды, низкая — для обжига цвета, — старина Чжэн наблюдал, как Сун Цинъи выбирал камни «лошадиный зуб» и линцзы — руды, необходимые для создания фиолетового люли, — и рассказывал о своих ученических годах.

За несколько дней скромный и трудолюбивый молодой господин начал завоёвывать расположение мастеров, и их разговоры стали более непринуждёнными.

Сун Цинъи слушал слова старины Чжэна, вспоминая прочитанное о создании одноцветного фиолетового люли:

«Белый, как иней, с чёткими гранями — это камень «лошадиный зуб». Фиолетовый, как аметист, с мелкими вкраплениями — это фиолетовый камень. Пять частей белого, одна часть фиолетового, линцзы в двойном количестве дают кристалл. Три части белого, одна часть фиолетового, линцзы в равном количестве дают фиолетовый цвет».

Древние записи оказались удивительно похожими на современные методы.

Видимо, отец прислал ему не просто записи обычных мастеров, но и некоторые семейные секреты. Сун Цинъи сжал губы, вздохнул, оценив усилия отца, и, отбросив посторонние мысли, сосредоточился на выборе руды.

Ци Жуньюнь пришёл не поздно. Как только Сун Цинъи закончил выбирать руду, Лю Гуан привёл его к печи, и он держал в руках обещанную форму.

Сун Цинъи в этот момент, приподняв полы одежды, сидел на корточках, собирая руду. Он собрался встать, когда его супруг подошёл, замер на мгновение, затем также приподнял полы

и присел рядом, протягивая форму.

— Буду наблюдать за тобой.

Сун Цинъи на мгновение застыл, не столько из-за слов, сколько из-за действий Ци Жуньюня — он помнил, что в прошлой жизни тот был человеком строгих манер и никогда бы не позволил себе сидеть на корточках рядом с ним.

Однако он быстро пришёл в себя, взял форму и с улыбкой пошутил:

— Супруга, разве нам вдвоём так сидеть не совсем прилично?

Говоря это, он помог Ци Жуньюню подняться. Он прекрасно понимал, что тот сел лишь потому, что не хотел стоять над ним, пока тот сидит.

Сун Цинъи не ошибся в догадках, и, увидев, что тот встал, Ци Жуньюнь последовал его примеру.

— Буду наблюдать за тобой.

Услышав это во второй раз, Сун Цинъи кивнул.

— Давай вместе. Я выбрал руду, сначала обожгу её.

Подняв корзину с рудой, он взял Ци Жуньюня за руку, обдумывая следующие шаги. За последние дни старина Чжэн, зная, что он хочет попробовать свои силы, подробно объяснил ему каждый этап, поэтому он имел представление о том, что делать. Однако он мысленно повторял шаги, чтобы не допустить ошибок. Это был не только его первый самостоятельный обжиг люли, но и использование формы, созданной его супругом. Он не хотел видеть разочарование в глазах Ци Жуньюня.

Погружённый в свои мысли, Сун Цинъи не заметил своего жеста, но Ци Жуньюнь, чью руку он держал, был искренне удивлён. Взгляд его остановился на муже. Подобные моменты удивления случались уже не раз с момента свадьбы. Первые несколько раз можно было списать на то, что Сун Цинъи старался наладить отношения, чтобы их совместная жизнь была более спокойной. Но с каждым разом, особенно с такими спонтанными жестами близости, даже холодный и сдержанный Ци Жуньюнь начал задаваться вопросом.

Что на уме у его мужа? Разве у него не было любимой младшей сестры, которую он собирался взять в жёны?

Ци Жуньюнь уже давно знал из слухов среди слуг семьи Сун о том, что Сун Цинъи был влюблён в свою младшую сестру по учёбе, и о договорённости с господином Суном взять её в наложницы. Поэтому, вступая в брак, он даже представлял, как проведёт оставшуюся жизнь в одиночестве в заднем дворе. Однако после свадьбы всё оказалось совсем не так, как он ожидал. Его муж, вопреки слухам о нежелании заниматься семейным делом, начал усердно изучать искусство создания люли, ежедневно учился вести бухгалтерию и управлять лавками, а к нему самому относился с уважением и нежностью. Самое главное — с момента свадьбы он больше не упоминал свою младшую сестру.

Ци Жуньюнь чувствовал странное ожидание. Если его муж действительно хотел создать с ним семью, то, возможно, ему следовало начать верить в ту жизнь, которую они сейчас вели.

Сун Цинъи почувствовал, как его рука сжалась в ответ, и, обернувшись, увидел своего спокойного супруга.

— Что случилось?

Однако они уже подошли к печи, и старина Чжэн начал говорить о температуре в печи. Ци Жунъюнь молчал, поэтому Сун Цинъи, удивлённо взглянув на него, отпустил его руку и последовал за стариной Чжэном к уже разожжённой печи.

— Я посмотрел на руду, которую ты дал мне выбрать, и её качество не соответствует тому, о чём ты говорил. Нужно ли сначала обжечь её? — Сун Цинъи провёл пальцами по камням люли в корзине.

Камни «лошадиный зуб» и линцзы были лучшими, но качество камней люли было не таким хорошим, с множеством примесей, что делало их цвет менее ярким и прозрачным.

— Да, молодой господин, посмотри на огонь. Огонь для обжига руды должен быть сильным, с красновато-жёлтым оттенком. Когда дрова почти прогорят и не будет добавлено новых, температура упадёт, и тогда можно будет начать обжиг цвета, — печь была небольшой, и отверстие для добавления дров находилось невысоко. Старина Чжэн использовал специальные длинные щипцы, чтобы разгрести костёр, показывая Сун Цинъи, как это делается.

Определение температуры огня — это вопрос опыта. Хотя дядя Нань, отец Ци и старина Чжэн объясняли Сун Цинъи, как определять температуру, он мог лишь заметить явные изменения в цвете пламени, а тонкости оставались за опытными мастерами.

Сун Цинъи слушал объяснения старины Чжэна, одновременно наблюдая за огнём, стараясь уловить нужный момент.

— Сейчас цвет огня стал слабее, а жар от печи сильнее. Похоже, пора?

Старина Чжэн кивнул, затем из появившейся у него в руках чаши брызнул водой на стенку печи. Капли быстро зашипели и исчезли.

— Можно, молодой господин, кладите камни люли внутрь, — мастера проверяют температуру не только по огню, но и по испарению воды. Обычно они просто плюют на стенку печи, но старина Чжэн, хоть и был простодушным, не стал делать этого перед молодым господином и его супругом.

Печь имела специальное отверстие для загрузки материалов. Сун Цинъи опустил камни люли внутрь, и через открытое отверстие можно было наблюдать, как руда меняется под воздействием огня.

Тёмные камни постепенно теряли свои чёткие очертания под языками пламени, а вкрапления, ранее скрытые внутри, начали сливаться, приобретая прозрачность в свете огня.